

Тенденции развития современного британского романа (на примере творчества Грэма Свифта)

Богданова Надежда Михайловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Конец XX в. в западном сознании прочно ассоциируется с таким культурным феноменом, как постмодернизм. Именно этот феномен определил развитие философской мысли, архитектуры, музыки, кино и, конечно, литературы 1980–1990-х гг.

Идеи постмодернизма во многом повлияли на всех крупнейших современных романистов Великобритании, таких как Йен Макьюэн, Джулиан Барнс, Грэм Свифт и др. Многие исследователи отмечают, что английский роман двух последних десятилетий XX в. не был до конца «постмодернистским» по сравнению с национальными литературами других стран. Эксперименты с поэтикой, нарративом, жанрами и культурными аллюзиями, иронизирование над собой и миром скрывали под собой старую, традиционную (реалистскую) серьезность.

Уже в конце 1980-х гг. стало ясно, что постмодернизм начинает постепенно изживать себя, становиться предметом пародии и острой критики. До настоящего времени не утихают споры о том, что же пришло на смену постмодернизму, еще не выработана универсальная теоретическая база для исследования новых течений в современной литературе, однако уже сейчас можно говорить о некоторых тенденциях развития современного британского романа. Упрощение формы, очищение ее от постмодернистских напластований, новое мироощущение – вот что отличает новую литературу. В качестве примера мы хотели бы обратиться к произведениям Грэма Свифта.

Одной из главных черт поздних романов Свифта (2000-х гг.) является намного меньшая жанровая расщепленность по сравнению с его романами 1980–1990-х гг. Так, например, в романе 1988 г. «В мир иной» семейная сага смешана с элементами психологического романа и вполне публицистическими эссе на разные темы (британская история, искусство фотографии, возможности познания), а в «Волане» (1982) психологический роман разбавлен элементами шпионского романа и военной прозы. Особо сильно постмодернистский пастиш используется в романе «Земля воды» (1983): здесь серьезный психологический роман в форме монолога смешан с народными сказками, легендами, выдержками из учебника по истории и энциклопедий. Начиная с «Последних распоряжений» (1996), жанровой расщепленности практически не наблюдается. В «Свете дня» (2003) и «Завтра» (2007), конечно, можно найти черты тех или иных разновидностей романа (детективного, любовного, психологического), но того уже требует сюжет, а не авторское стремление к эксперименту.

Заметно уменьшается увлечение Свифта интертекстуальной игрой. Предельная насыщенность чужими звучащими голосами «Земли воды» и «Последних распоряжений» сменяется относительно интертекстуально нейтральным повествованием романов «Свет дня» и «Завтра».

Характерная для постмодернизма всеохватывающая ирония и игра также сходят на нет. При всей серьезности проблематики ранних романов Свифта, в них всегда звучит ироническая нотка, в ткань повествования вплетаются смешные и даже гротескные эпизоды. Все это уступает место мелодраматическому компоненту «Света дня» и исповедальной интонации романа «Завтра».

Меняется отношение героев Свифта к истории. Во всех его романах повествование развивается нехронологически: персонажи периодически обращаются к тем или иным воспоминаниям. Это связано прежде всего с особым видением мира писателем – прошлое определяет настоящее и непосредственно влияет на будущее. Герои ранних романов обращаются к большой истории, пытаясь вписать себя в глобальный процесс развития человечества, проводят аналогии с событиями,

происходившими в другие времена и в других странах для того, чтобы как-то объяснить сложность положения, в котором они оказались, облегчить «невыносимую геометрию пустоты» («Земля воды»), придать смысл бессмысленному существованию. В «Земле воды», ярком примере постмодернистского историографического метаромана, Свифт обращается к экспериментам с нарративом, исследуя проблемы репрезентации истории. История – это байка, сказка, рассказанная тысячу раз и столько же раз повторенная, где домыслы смешиваются с правдой, а мистика с реальностью. С историей можно играть, в ней нет правды, но она может дать иллюзию некоей «причинности», придать смысл жизни, вписать малую личную трагедию в круговорот трагедий мировых. В романах 2000-х гг. история по-прежнему важна - она определяет образ жизни человека и его отношения с окружающим миром. Однако проблемы истории и ее репрезентации в романах «Свет дня» и «Завтра» более не актуальны. Это, скорее всего, связано с также очень важным изменением в новой литературе – изменился герой и его взгляды на жизнь.

Героям ранних романов Свифта была присуща неспособность посмотреть в лицо собственным проблемам, тяготение к бегству от ответственности, кризис самоидентификации: то, что ощутили на себе многие персонажи эпохи постмодернизма. У героев романов 2000-х годов – другое отношение к действительности. Они не занимаются поиском ответов на вопрос "Почему?", обращаясь к далекой мифологизированной истории - они пытаются сосредоточиться на здесь и сейчас. Страх перед действием, способным изменить жизнь к лучшему, сменить привычную колею на что-то новое, также не характерен для героев «Света дня» и «Завтра»: они более или менее открыты новому, они готовы пожертвовать спокойствием ради правды или любви. Однако сделает ли это их счастливыми – вопрос открытый.

Без должной временной перспективы очень сложно делать какие-либо законченные выводы. Еще сложнее пытаться прогнозировать будущее современного романа. Однако уже сейчас понятно, что произошел некий перелом. Грэм Свифт, в частности, отказываясь от многочисленных ярких экспериментов, «игры ума», остается верным лишь провозглашению вечных нравственных ценностей (семья, дети, любовь).